Было таким облегчением узнать, что рейнлорды вскоре возвращались. И сюрпризом тоже. Насколько Гектор понимал ситуацию, им всё ещё требовалось помочь ЧВПР в защите Риджмарка, но они были вполне уверены, что битва не займёт много времени теперь, когда их родные с ними.

Гектор не сомневался в их способностях, но надеялся, что они не слишком оптимистичны в своих предположениях. Против них выступали объединённые силы Избавления и Ванталэйской Военной Полиции. Ни те, ни другие слабаками ему не казались, если только он что-то не упустил.

А он мог. Учитывая всё произошедшее, доклад оказался довольно коротким. Ему бы хотелось увидеть больше деталей – например, не потеряли ли они кого, и не встретился ли им кто-нибудь из шишек Избавления.

Его не покидало ощущение, что они опустили часть деталей из страха, что он запрыгнет на самолёт и полетит к ним, как только прочитает доклад. Зная, насколько все они гордые, такое вполне могло случиться.

Но он подумал, что зря волнуется. Скорее всего, они просто заняты, а так всё хорошо.

Впрочем, если более подробный доклад не придёт в течение следующих суток, ему придётся потребовать от жнецов больше информации. Меньше всего он сейчас хотел покидать Уоррен, но если рейнлордам требовалась помощь, то он собирался её предоставить.

Пока, впрочем, он не знал, чем заняться. Как давно у него в последний раз было свободное время? С таким количество рейнлордов на борту Уоррен оставался удивительно тихим. Он, кажется, привык ко всему шуму и суете их присутствия, не обратив на то внимания.

Конечно, дел у него более чем хватало. Всегда было над чем поработать, если он хотел. Например, проверить банк; или семейство Гаоланет; или Свечу; или сумасшедшие новости, сейчас гуляющие по миру.

Но ничто из этого не требовало его внимания здесь и сейчас любой ценой, а это было приятным изменением темпа.

Он решил уделить немного времени себе, чтобы помедитировать. В последнее время этому важному делу почти не доставалось свободных минуток, а важнее него, возможно, не было ничего.

Столько всего происходило в голове. Благословение Внимания. Море информации из Свечи – в которой он теперь не был уверен. Не говоря о своей собственной, полной изъянов психике. Что бы ни происходило наверху, шаткий фундамент никогда не помогал.

Да. Медитация сейчас требовалась как никогда.

Хотя даже она стала странной в последнее время. Он мог медитировать одним или даже двумя процессами, одновременно с тем размышляя над чем-нибудь в остальных. Что, возможно, было плохой стратегией. Он пока не знал, как это воспринимать.

Чем больше он узнавал о медитации – как из личного опыта, так и из интернета – тем больше начинал думать, что эта штука нужна не только для улучшения материализации.

Она важна для покоя. Для умиротворения.

Мир стал таким суетливым. Шумным и постоянно двигающимся. Требующим внимания в той или иной форме. Его собственный разум тоже. Особенно в последнее время.

Поэтому ему казалось, что пытаясь заниматься чем-то ещё во время медиации, он терял весь смысл. Возможно, даже тратил время зря. Всё же, он ведь никогда не мог почувствовать, как материализация улучшается благодаря медитации.

Гарвель говорил, что улучшалась, и он верил жнецу, но прогресс становился заметным лишь после, а не во время. В большинстве случаев и это вызывало вопросы, потому что откуда было знать, что именно повлияло на его материализацию? Медитация? Или постоянные тренировки?

А ещё другие «состояния сознания», о которых рассказывала Эмили Элрой. Они интриговали. Когда она научила его «Хра», хранилищу в сознании, он не мог придумать для него ничего полезного и потому решил, что оно только для мутантов.

Но в последнее время он постоянно пользовался Хра, чтобы размышлять над всей информацией, заброшенной Свечой ему в голову. Без Хра, по ощущениям, его разум был бы в ещё большем беспорядке, чем сейчас.

Такой любопытный концепт эти альтернативные сознания. Ему хотелось узнать у неё больше, может, она уже изучила ещё какое-нибудь, но он не хотел мешать ей, пока рейнлорды не вернутся. Может, заодно получится сообщить хорошую новость. Он надеялся на это.

Может, стоило спросить Хантона или Полину. Перспектива врубелей звучала интересно.

Здесь и сейчас, впрочем, он собирался углубиться в медитацию. Ему казалось, что в ней можно что-то обнаружить. О себе. Или о чём-то снаружи? Трудно сказать. Что вообще означало это ощущение?

В общем, его медитации стали ощущаться как-то иначе. Он всё же хотел придерживаться главного принципа – очищения разума, освобождения от всего, что отвлекало – но в то же время замечал, как… мысли начинали бродить.

Он не знал, как иначе это описать. Если смысл медитации в том, чтобы создать безбрежную пустошь в разуме, то сейчас ему казалось, что он плывёт сквозь неё. Изучает пустоту.

Или даже ищет что-то? Возможно. Но что? Весь смысл пустоты в том, что в ней ничего нет. Нечего искать. Медитация – это про то, чтобы очиститься от всего. Так какой смысл в исследовании?

Впрочем, странный вопрос. Зачем вообще нужен смысл? Разве исследование не может… приносить наслаждение само по себе? Плыть сквозь собственный разум… необычно. Вообще, кажется, так было даже проще освобождаться от всего отвлекающего.

Словно новый уровень расслабления. Такого, что ему порой было трудно понять, медитирует он или спит.

Что казалось ещё страннее, так это ощущение расслабленности после таких глубоких медитаций. Практически как пробуждение после хорошего ночного сна, хотя проходило не больше часа или двух.

Он читал о людях, отказавшихся от сна в пользу медитации. Раньше подобные истории казались ему преувеличением, но, может, в них была доля истины. Только доля. Хоть разум и

освежался, он сильно сомневался, что избитому тренировками телу от этого легче.

Чёрт, может, это тоже одно из этих альтернативных состояний сознания. Состояние сверхотдыха. Или вроде того.

А может он просто выдумывал всякую хрень. Хотя было бы прикольно. Как бы он назвал его?

Хра-П?

Ха. Вряд ли.

Помимо медитации ещё был вопрос этой его новой брони. Хакк Наджир следовал за ним, чтобы изучить её и доложить Аббасу, всё ещё работающему над Свечой в Лоренте.

Не стоило и говорить, что Гектору было очень интересно услышать заключение Хакка, хотя в то же время он не слишком надеялся на него. Не потому, что Хакку недоставало навыков, скорее это в броне было нечто… ну, чужеродное. Он чувствовал, каким-то странным образом, что она может воспротивиться анализу.

И действительно, подозрения Гектора пока попадали в точку. Каким бы образом Хакк ни пытался изучить различные части доспеха, ему ничего не удавалось понять.

— Этот металл не поддаётся объяснению, — сказал учёный. — Во многих отношениях он мимикрирует под твоё железо. В весе. В плотности. В электро и теплопроводности. Почти полная идентичность. Однако предел прочности у него такой же, возможно, даже более высокий, чем у сплава, сделанного нами с Аббасом для прототипа Амир-Девять.

— Более высокий? — переспросил Гектор. — Ты уверен в этом?

— Я сказал «возможно». Это трудно измерить наверняка. Мне нужно больше оборудования.

— Ладно, но почему ты вообще думаешь, что это возможно? Нет никаких причин считать, что эта броня хоть сколько-нибудь сильнее Амира-Девять. Или есть?

У Хакка дёрнулся нос.

— Я взял один из множества запасных прототипов со склада, чтобы испытать их на контрасте с доспехом. Под «испытать» я имею в виду «бить ими друг об друга часами», в числе других грубых тестов. И хотя наверняка установить тяжело, мне показалось, что на щите я заметил несколько царапин. А на броне – ни одной.

Это было новостью для Гектора. Но он не знал, верит ли в неё.

— Ты в этом уверен?

— Нет. Про это я и говорю. Нужны более экстремальные методы испытаний, чтобы убедиться.

— Экстремальные в каком смысле?..

— Мне нужен гидравлический пресс. И гидравлическая дрель. Вероятно, не помешает плазменная дрель. И лазерный резак. — Он замолчал на секунду. — А ещё машина ЭХО.

— Эхо?

— Да.

— Что означает машина эхо?

— Машина электрохимической обработки.

— А… — Гектор неожиданно почувствовал, что начинает догадываться, к чему клонит Хакк.
— Как дорого стоит такая ЭХО машина?

— В троа? Не знаю.

— А в валюте Саира?

Мгновение Хакк просто смотрел на него.

— …Разве можно вешать ценник на науку?

Губы Гектора выпрямились в линию.

— Не думаю, что мне настолько любопытно, насколько «математически» прочна моя новая броня.

— Моё сердце плачет по твоему академическому интересу, лорд Гофф.

— Ага, а если оно не будет плакать, то расплачется мой банковский счёт. Нельзя как-нибудь использовать свечу для этих испытаний?

Хакк наклонил голову набок.

— Возможно. Но я бы не хотел прерывать работу Аббаса.

Хм-м. Довольно вежливо с его стороны. Хотя упоминание Аббаса дало возможность сменить тему:

— А у тебя уже был шанс хоть немножко изучить кузню?

— Был.

— Что думаешь о ней?

— Это кузня слияния. Очевидно, великий инструмент.

— Лорд Аббас упоминал что-то о «нежности» её натуры, если правильно помню.

— Я не стану ни подтверждать, ни отрицать. Твоя Свеча – первая Кузня, которую мне представился шанс хотя бы увидеть, не говоря о работе с ней. В отношении таких смутных понятий как «натура» лучше полагаться на опыт Аббаса.

Гектор сдержал усмешку. Каким-то образом этому человеку удавалось звучать высокомерно, даже когда он признавал, что чего-то не знает.

— А что вообще тебе известно о кузнях слияния?

— Опасная тема. Мне точно следует рассказывать? Большой объём знаний о них может стать причиной сожалений в будущем.

— Хм-м. Имеешь в виду, что люди, стоящие на их страже, настолько агрессивны в предотвращении распространения важной информации?

— ...Да. Я предполагал, что это и так известно. — Он посмотрел Гектору в глаза. — Вообще... зачем спрашивать меня на эту тему? Чтобы испытать мои знания? Если так, то я оскорблён.

Гектор не поддался. Казалось, он наконец-то начинает привыкать к тому, что люди считают его гораздо более старым и осведомлённым, чем было на самом деле.

Бессчётные знания древности, оставленные в нём Свечой, заметно помогали.

— У каждого человека есть целый мир информации, которую знает только он, — сказал Гектор. — Я надеюсь, что никогда об этом не забуду. Если однажды я начну относиться к людям так, словно им нечему меня научить, то мой личный мир перестанет расти в тот же день. Ты так не считаешь?

Хакк просто уставился на него.

Чёрт. Наверное, это прозвучало тупо. Угх. Гектор просто пытался сделать так, чтобы смущение не показалось на лице, пока дожидался ответа. Дожидаться пришлось долго.

— ...Я знаю только о шести кузнях слияния в мире.

О шести? Хм, Гектор чувствовал, что на самом деле их больше, но не был уверен. Свеча дала ему воспоминания о множестве других кузен из древних эпох, в которых ещё предстояло разобраться, чтобы подтвердить, каковы шансы, что хоть одна до сих пор существовала.

Не считая нескольких.

— Золотой Час, — сказал Гектор, раньше, чем осознал, что его рот открыт. — Лампа Домы, Кузня Ремесленника, Яма Клоуна, Красный Разлом, Бассейн Триноя, Безмолвный Змей.

Хакк всё ещё пялился на него.

Гектор моргнул пару раз, пытаясь понять, что он сказал.

— Некоторые из этих названий мне знакомы, — медленно кивнул Хакк. — Другие – нет. Яма Клоуна? Это какая-то проверка? Кузню ведь не могли назвать так?

Гектору потребовалась ещё секунда, чтобы обдумать ответ. Вся эта информация реально была в его голове? Откуда вообще взялись эти названия?

— Я... думаю, это имя кузни Моргунова.

Хакк аж отпрянул.

— Ну... подозреваю, в этом есть смысл. Достаточно глупо, чтобы принадлежать ему. Но... каким образом тебе удалось это узнать? Я ещё не встречал никого, кто мог бы хотя бы подтвердить, что у Моргунова есть новая кузня, не говоря о том, чтобы раскрыть её название.

А.

Хм-м.

Да-а, пожалуй, такую информацию Моргунов не стал бы распространять повсюду, да? Даже маньяк вроде него хотел бы сохранить свою кузню втайне.

Тогда откуда Свеча могла узнать о ней? Чёрт, а об остальных? Он ведь не путешествовал по миру, чтобы их навестить.

...Не путешествовал ведь?

Угх.

Гектор неожиданно почувствовал головокружение. Как если бы слишком много информации за раз нахлынуло в неготовую к тому часть мозга. Трещина в плотине, сдерживавшей остальное.

Ему пришлось замолчать и сконцентрироваться, пока не стало хуже. Залатать. Вернуть всё под контроль.

Фух. Ага. Хра. Хра начало трещать по швам. К счастью, визуализация в форме плотины сильно помогла в представлении проблемы. И в её исправлении.

Или, по крайней мере, так ему показалось. Всё было настолько странным, что он собственные ощущения ставил под вопрос.

— Всё хорошо? — спросил Хакк.

Только после этого Гектор понял, что отвернулся и прижал руку к виску.

— Да, — сказал он, стараясь не звучать слишком дезориентированным. — Всё хорошо.

— До сих пор чувствуете последствия той битвы?

Ну, это не было совсем уж ложью, так что Гектор решил воспользоваться этим оправданием:

— Она была тяжёлой.

Вообще, догадка Хакка прошла не слишком далеко. Была одна вещь, не позволяющая Гектору забыть о битве с Бандой Торой, о том моменте, прямо после которого его сожрали – возможно, о причине того, почему его сожрали.

Он выжал свой мозг слишком сильно. Попытался вызвать ещё один мыслительный процесс. И разум отключился.

Конечно, тогда положение было довольно отчаянным, но это не отменяло того факта, что одна ошибка чуть не стоила жизни ему и всем остальным в Уоррене.

К счастью, всё обошлось, но это была ещё одна странная фигня в его мозгах. В тех самых, с которыми поигрались два бога и разумное сверхдерево.

Откровенно говоря, он старался не думать на эту тему, но избегать её становилось всё труднее.

Что, если его мозги настолько испоганили всем этим безумным дерьмом, что в какой-то момент они тупо перестанут работать? Что, если в один день он задумается так глубоко, что просто не сможет раздуматься обратно?

Учитывая длинную историю сходящих с ума слуг, эта мысль реально беспокоила. Особенно в

паре с другой, беспокоящей ничуть не меньше.

Он вообще ещё тот человек? Можно ли было считать Гектора до и после того, как по его мозгам протоптались, одним человеком? Что, если он уже не он?

В некотором смысле это напомнило ему предложение Маласта. Стать богом в обмен на личность. Может, это было то же самое, только по обходному пути.

И ни одну из этих мыслей он не мог озвучить. Уж точно не перед Хакком.

Ему внезапно захотелось снова вернуться к медитации. Взять немного времени, чтобы разобраться в мыслях.

Гектор попытался извиниться и уйти, но Хакк продолжал идти за ним и пытаться вернуть разговор к дорогущим приборам.

— Если бережливость правда так необходима, то можно хотя бы использовать своё влияние, чтобы добыть мне доступ к нужным инструментам бесплатно.

Гектор уже знал, где хочет заняться новым сеансом медитации. Недавно он экспериментировал с разными местами и последнее ему особенно понравилось.

— Никто не должен знать, что вы здесь, помнишь? — спросил Гектор. — А ты довольно известен.

— Значит, буду действовать осторожно. Придумать маскировку и псевдоним нетрудно.

— Звучит как лишние проблемы, — сказал Гектор, возможно, слишком прямо.

— А, так ты согласен, что лучше будет купить эти станки для личного пользования.

Так разговор и шёл весь их путь. Как бы прямо ни отказывал Гектор, Хакк продолжал сохранять слепую веру в то, что так или иначе добьётся своего. Или настойчивость. Сказать было трудно.

К тому моменту, как они добрались, Гектор уже даже не был раздражён. Его начало забавлять то, как Хакк прикидывается дурачком, будто не может воспринять тот факт, что ему отказали.

К счастью, цель была ещё одной возможностью сменить тему.

Потому что это был подземный водопад Уоррена.

Шум внутри… это было что-то. Громко, определённо громко, но не настолько, как можно было ожидать. Даже на таком, достаточно близком расстоянии, им не приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

Гектор подозревал, что дело в том, как была переплетена сеть пещер в этом месте. Водопад находился в почти такой же массивной естественной комнате, как и восемь главных башен замка – и всюду вокруг него расходились тоннели, даже в потолке. Вероятно, они уводили звук в стороны, вместо того, чтобы усиливать его.

В чём бы ни заключалась причина, так явно было лучше.

— Вау, — сказал Хакк, когда водопад показался перед ними. — Это нечто.

— Ты здесь ни разу не был?

— Ещё нет.

Да, зрелище было потрясающим. В отличие от того дня, когда водопад только нашли, накрытый темнотой, сейчас по обе его стороны поставили большие янтарные фонари, освещающие всю громадную пещеру тёплым светом. Благодаря этому водопад словно бы вырос и теперь напоминал взлётную полосу, повёрнутую вертикально.

— Это место показалось мне неплохим для приёма гостей, — сказал Гектор, — но сначала над ним нужно поработать. Но… наверное, работы уже можно было бы начать, если бы я не боялся потерять своё лучшее место для медитации из-за снующих туда-сюда людей.

— Для медитации? Я ей никогда не занимался. Неподходящий у меня характер. Разум всегда занят чем-то. Если я попытаюсь успокоиться, то мне станет скучно, а скука для меня совершенно невыносима.

Гектору это показалось любопытным:

— Это звучит странно. Если тебе скучно, то ты неправильно очищаешь разум. В медитации ты не должен чувствовать вообще ничего. Ну, кроме, может быть… умиротворения. Или завершённости. В этом, как мне кажется, и смысл.

Хакк посмотрел на него с сомнением:

— В умиротворении? Мне всегда казалось, что смысл в развитии силы.

— Так говорят жнецы, да. И это, если правда, то сила – отличный бонус. Но ведь не только слуги медитируют.

— М-м. Сазандара на протяжении лет постоянно пыталась заставить меня медитировать. Но это так и не вошло в мои привычки.

Гектор почесал нос.

— Это, кажется, тоже неправильная перспектива. Необязательно делать из медитации привычку, чтобы получить от неё пользу.

— Да? Сомневаюсь, что будет польза, если помедитировать разок-другой. Разве не привычка создаёт мыслительную дисциплину, или как оно там?

— Ну, да, это верно. Чтобы добиться дисциплины, нужно время. Но иногда медитация кажется мне… хорошей сама по себе. Немного мира помогает. Особенно во времена, когда… его особенно трудно получить. Понимаешь, о чём я?

Хакк встретился с ним взглядом ненадолго, затем снова посмотрел на водопад.

— Хм-м.

Больше он ничего не сказал, пока Гектор приближался к водопаду и искал место получше. Выбора хватало, валуны торчали по всей длине обрыва. Некоторые источились сильнее, так что подходили для медитации меньше других.

Однако Хакк выглядел заинтересованным и, возможно, собирался присоединиться к нему,

поэтому Гектор выбрал самое простое место.

И действительно, Хакк продолжал следовать за ним, даже приближаясь к ревущей воде.

Он оставил Шарф на себе, но снял и сложил футболку, положив её на камне рядом. Хакк поступил так же, почему-то это удивило Гектора.

Впрочем, прежде чем погрузиться в воду, он задумался кое о чём и повернулся на Хакка в ещё один последний раз. Вот теперь приходилось перекрикивать воду:

— Если вода будет сильно мешать, то похлопай меня по плечу, и я сделаю для тебя купол!

Хакк посмотрел на него недовольным взглядом, но кивнул. Они оба вошли в водопад.

Охренительно холодный водопад.

На голову и плечи обрушилось огромное давление. Казалось, будто он вступил в совершенно иной мир, где даже законы физики могли отличаться.

Гектор протолкнул себя к центру возвышенности и занял своё место. Он всё ещё чувствовал Хакка рядом с собой, даже когда садился и начинал сосредотачиваться на дыхании.

С партнёром медитация немного отличалась, особенно зная, что Хакк довольно неопытен. Трудно не волноваться о товарище, учитывая вполне очевидный факт того, что медитация под водопадом – техника не для новичков. Весь смысл водопада в том, чтобы сделать её труднее.

Ужасный шум, давление, температура – всё это должно отвлекать, делать очищение разума труднее.

Он невольно задумался о том, решит ли Хакк вообще попросить о помощи. Тот был чертовски упрям – что вполне нормально для сэндлорда.

Ну да ладно.

Он освободил разум от мыслей.

И мир провалился сам в себя.

Он любил это место. Водопад действительно делал медитацию гораздо труднее, но в то же время позволял войти в свой разум ещё глубже. Или, скорее, заставлял.

Трудно сказать наверняка.

Хотя именно в этой глубине он находил безупречную чистоту, которую искал. Или, по крайней мере, не только её. Чистота разума была лишь одним из направлений.

Он чувствовал себя так, словно стоял в центре огромной комнаты со множеством дверей во всех направлениях. Как много их было? Пересчитать, наверное, невозможно. Не потому, что их слишком много, но потому, кажется, что они не хотели быть пересчитанными. Они отказывали в этом.

Гектор решил не спешить и понаблюдать за дверьми, хотя этому усилию они тоже сопротивлялись.

Впрочем, это же его разум. Получалось, что он сопротивлялся сам себе? Хм-м. Возможно, стоило винить понимание того, что этих дверей не существовало. Всё равно, что пытаться изучать сон. Вероятно, глупая затея.

Поэтому он изменил тактику. Перестал наблюдать глазами – или что ему служило глазами в этом месте – и вместо того продолжил сосредотачиваться на очищении разума.

Если это был его собственный разум, то всё, что лежало за дверьми, он и так знал. Верно? Так что, может, это что-то вроде того, чтобы самому открыться информации внутри?

Позволить себе увидеть, что лежало там. Или хотя бы понять.

Хм. Признать правду?

Может быть.

Чёрт, это ведь нечто. Никогда раньше он не погружался в медитацию настолько глубоко. Опыт казался совершенно новым. Это место. Эти двери. Что он знал о них?

Нет. Неправильный подход. Не нужно спрашивать. Не нужно просить. Потому что он и так знает все ответы. По крайней мере, так говорила надежда.

Пустота. Чистота. Мир.

Вау. Он будто нырнул ещё глубже.

Но в то же время нет. Он ведь никуда не передвинулся. Его тело. Его мозг. Его разум. Водопад. Холод. Давление. Он всё ещё чувствовал их. Всё ещё оставался собой.

Скорее, все ощущения просто стали казаться… ещё менее важными. Недостойными внимания.

Да.

Двери. Вот они где. Просто стоят. Существуют. А в то же время нет.

Вот эта. Дверь – это поток. Фоновый мыслительный процесс. Сейчас он не вёл никуда, потому что он отключил их все. Ради ясности мыслей.

Да.

Если так, то остальные двери – тоже мыслительные процессы?

Угх. Неправильный подход. Снова. Хватит спрашивать.

Пришлось заново искать ясность разума. Пустоту.

Вот она.

Мгм.

И двери. Тоже на месте. Всё ещё часть него. Всё ещё ждущие.

Вон та – это Хра. Она вела прямо к Хранилищу. Колоссальному резервуару древних воспоминаний – или снов – которые даже не принадлежали ему. Да. Туда он засунул все эти

знания.

Хм.

Появилась мысль. Вопрос, пытающийся задать себя.

Но он не позволил. Вопросы не имели значения. Не здесь и не сейчас.

Да.

В этом месте есть Гектор.

И больше ничего.

Он просто есть.

Так много дверей. Все они стоят. Ждут.

Вон та. Она вела к его личным воспоминаниям. К вещам из собственной жизни. К тому, что ему нравилось. Даже к тому, что он любил. Тепло и любовь просачивались через трещины в ней.

Не то, что дверь рядом. Эта была нейтральна. Вещи, которые он просто запомнил. Застрявшие в его голове по всяким причинам. Запоминающиеся песни – притом не те, что ему понравились. Выученная информация – не потому, что ему хотелось её выучить. Много всякого из школы, по ощущениям.

Скучные вещи, словом. Хотя и тоже важные. Не самая весёлая, но полезная дверь.

А вот следующая... ого...

Эта дверь.

Да.

За ней было всё плохое. Или, по крайней мере, почти всё. Трудно поверить, что за неё могло поместиться всё. А может он просто пессимист. Переоценивает то, насколько жалок.

Да, скорее всего.

Была у него привычка фокусироваться на плохом. Всегда была. Хотел бы он верить, что её можно превратить в полезный инструмент в эти дни, но он не знал, правда это или просто оправдание, чтобы не задумываться о проблеме серьёзно.

Даже в этом месте, где он мог быть совершенно, абсолютно и радикально честен с собой, ему не удавалось понять собственный тон мыслей.

Хм-м.

Ну, может это не важно.

Смысл не в том, чтобы найти решение проблемы. Он в том, чтобы открыть правду, которая глубоко внутри и так ясна. Если он чего-то не знал даже здесь, то так тому и быть.

Впрочем, это всё же было интересно.

А вот остальные двери…

А.

Эта вела к Гарвелю. Ха. Вау. Как удобно. На импульсе он хотел пройти через неё и начать разговор. Он знал, что это сработает. Но нет. Эта возможность была с ним всегда. Здесь она не нужна.

А вот следующая рядом с ней…

Это был Расаласэд.

Охренеть. Она просто стояла здесь. Дверь к Сухому Богу. Пройти сквозь неё и начать разговор.

Это казалось каким-то неправильным, учитывая, насколько трудно было поговорить с ним в прошлом.

С другой стороны, со временем становилось всё проще и проще… Хм.

Вот это было искушение. Но сначала требовалось узнать больше об этом месте. А эту дверь… нужно запомнить на потом.

Угх. Снова его мысли слишком полны. Слишком здесь. Наверное, он слишком много внимал своим чувствам.

Нет. Вопросы – плохо. Да, точно. Он попытался двигаться дальше. К следующей двери. Где она?

А. Снова не так. Почему же это так трудно? Нет!

Чёрт.

Нужна была минутка. Или несколько. Или несколько нескольких. Столько, сколько нужно, попытки считать или предсказывать только помешают.

Он снова нашёл свой центр. Свою ясность. И двери. Они ждали.

Всё выглядело так знакомо – вдруг понял он. Эти двери. Они все его. В различных смыслах. Каждая вела к определённой части него. Даже Расаласэда и Гарвеля считались. Ведь они теперь часть него.

Это не вопрос. Он просто понимал. Это правда.

Хм.

И всё же.

Была ещё одна дверь. Не такая, как все. Отличающаяся… довольно сильно, если подумать. Не ставшая ясной сразу. Таинственная, по какой-то причине.

Странная. Неуверенная.

Все эти качества тянули из него вопросы. Да. Вот, на какую проблему он наткнулся. Сосредоточиться на этой двери было значительно труднее. Просто наблюдая за ней, он пытался задаваться вопросами.

Нет. Не только это.

У самой двери было желание. Он чувствовал его. Вопрос, который не просто пытался вырваться из него. Но и из двери тоже. Откуда-то из-за пределов неё.

Она хотела узнать его.

Это тревожило.

И очень сильно.

Достаточно, чтобы угрожать ясности. Так же, как она угрожала раньше.

Но в этот раз он сдержался. Сумел сохранить сознание.

Удержать бразды.

Да.

Эта дверь чего-то хотела.

А он не знал чего.

Что означало… что эта дверь… либо не принадлежала ему как остальные… либо… вела в некий уголок него, о котором он сам не знал. Даже в этом месте.

Одно. Или другое.

А.

Определённо.

Это даже не дверь, вдруг понял он. Это лестница. Ведущая вниз.

Глубже. Глубже. И ещё глубже.

Даже не осознав, он уже спускался по ней. По ступеньке за раз. Пролёт за пролётом, спираль за спиралью, в безбрежной темноте.

Внутри был страх. Даже ужас. Он уже испытывал его. Нарастающий, становящийся сильнее. Превращающийся в часть самого окружения.

Теперь было трудно. Поддерживать ясность. Гораздо труднее, чем когда-либо. Потому что этот страх был знаком. Как старый друг. Как тот, который он знал не хуже, чем больное место. Как тот, кто никогда не был ему другом.

Эти чувства. Это место. Гектор не знал, чего ожидать. Была там определённая странность. Казалось, что оно глубоко личное, но в то же время совершенно чужеродное для него.

Нахлынул кошмар. Жажда развернуться и бежать. Прекратить искать.

Он не прислушался к ней. Не смог. Было что-то в этом месте нуждающееся в том, чтобы его нашли. Но он не мог понять, связано ли это с ним вообще или нет. Какое-то давно потерянное воспоминание. Подавленный страх.

Или что-то совершенно иное. Из-за пределов него.

Нечто, желающее попасть внутрь.

Эта мысль поставила его на паузу.

Он прекратил спускаться по лестнице. Дна всё ещё не было видно. Его не удавалось ощутить. Может, его и не было. Может, так будет продолжаться вечно, пока он не сойдёт с ума.

Хм-м.

Это тоже могло представлять опасность, если подумать. Безумие. Оно появлялось в его мыслях всё чаще в последнее время. Со всем, что происходило, с беспорядком в мыслях и воспоминаниях, в его чувстве себя.

А…

Постой-ка.

Да. Вот, в чём была причина того, почему в последнее время он так сильно хотел медитировать.

Безумие. Или, скорее, страх перед ним. Его самый глубокий, самый страшный кошмар.

Со всеми новыми воспоминаниями, дарованными Кузней, с тысячами лет истории, которую ему пришлось увидеть в по-настоящему интимной близости – проблема безумия стала отчётливее, чем когда-либо. Она определённо стала ближе, чем он позволял раньше.

Даже ближе, чем понимал.

Долгое время он просто стоял на лестнице. Смотрел вверх и чувствовал накатывающие волны страха, видя лишь тьму впереди. Дыра, через которую он спустился, тоже исчезла.

Нет.

Не совсем.

Она всё ещё была видима. Едва различимый лучик света оставался наверху. Просто приходилось напрягаться, чтобы увидеть его. Почувствовать. Но он был там.

Он.

Та часть него, что он.

Да.

Вот, что это за место, он вдруг понял. В этой дыре действительно не было дна. Спускаться ниже глупо.

И всё же, неожиданно, когда он начал отчётливо ощущать, что всё это правда, пришло нечто

новое. Несмотря на весь этот давящий страх, такой удушающий ужас, было в этом спуске теперь ещё и… некое… желание.

Любопытство.

Жажда узнать больше, несмотря ни на что.

Тёмное искушение.

Каким-то образом… это заставило Гектора ещё лучше понять, где он находился.

Этот спуск. Это тёмное очарование. Искушение продолжать спускаться. Оно тянуло просто двигаться ниже. Посмотреть, что ещё можно найти. В конце концов, если дна нет, то путь безграничен. А значит, безграничны и возможности.

Безграничен потенциал.

Вот, чем было это место.

Потенциалом.

Бесконечным простором. Ограниченным, возможно, лишь способностью воспринимать и понимать его.

Верно. Если смотреть на глубину с такой стороны, то в ней можно найти всё. Если спускаться достаточно долго, он обязательно всё найдёт. В какой-то момент.

Что и вызывало искушение.

Гектор понял. Отчасти, по крайней мере.

Саму Пустоту.

То, о чём он слышал так много. Свеча тоже знала о ней. В очень интимной перспективе. Она видела столько женщин и мужчин, искавших её. И даже находивших.

Обменяв на эту находку разум.

Поддавшись ровно тому же искушению.

Но там было так много всего. Естественно. Парадоксальная бесконечность того, чего нет. Разбавленное воображение. В котором нет ничего простого.

Потому что искушение – это не обман. Не какая-то иллюзия, чтобы ловить тех, кто не знает, что их ждёт. Нет. Напротив, проблема была хуже.

Гораздо, гораздо хуже.

Ведь внутри лежала награда. Гектор понимал.

Это место могущественно. И полно знаний. Оно на самом деле… всё. И ничего. Сразу.

Оно обещало силу. Гектор пока не знал как, но понимал, что это правда. Оно говорило ему об этом. И истину, он мог бы взять её всю в свои руки. Или – может, он мог даже это.

Вау.

Столько эмоций одновременно попытались взять над ним контроль. Некоторые сильнее других. Страх. Амбиции. Злость. Алчность. Жалость. Любопытство. Грусть. Интерес. Ненависть.

Боль.

Такое искушение. Такое убеждение. Такая дозволенность.

Но Гектор был. Продолжал быть.

Ощутить столько эмоций одновременно… это что-то особенное. Уникальный опыт. Что-то, что можно… почувствовать. Но чему нельзя поддаваться.

Он сделал шаг.

Наверх.

Пришло время подниматься.

Но лестница. Её больше не было. Нога не нашла, от чего оттолкнуться, и внезапно он повис. На верёвке.

Что ж.

Это была проблема. Обширная дыра внизу стала шире, чем когда-либо. Он чувствовал её даже свирепее, чем раньше. У неё тоже были желания. Она жаждала затянуть его.

Или, возможно… это просто… все эмоции разом воспротивились ему. Их общая воля боролась против разума.

Хм-м.

Интересно.

Несмотря на очевидную опасность ситуации, зависнув над пропастью ничего, Гектор оставался спокоен. Неподвижен.

Эмоции всё ещё не побеждали. Он не позволит им. В этом месте разум свободен от них. Неподдающиеся контролю сущности появлялись в голове, пытались отнять контроль. Они были свирепы и алчны.

Но они принадлежали ему. И он признавал их. Принимал. Как часть себя. Приятные или нет, они всё ещё часть него.

Поэтому, чтобы вернуть контроль, Гектор не хотел «командовать» ими – даже если чувствовал, что может. Знал, что может. Но это ощущалось как неправильный подход. Казалось чужеродным ему – тому, каким он надеялся быть и каким надеялся стать.

Правильным подходом было бы… поднести их ближе. Впустить в себя.

Как бы они ни скалили зубы и какими бы острыми ни были их когти – как бы сильно они ни напоминали монстров, порождённых хаосом – Гектор знал, что эти создания всё ещё его. Что сейчас правит он. И что, несмотря на их внешний вид, им не навредить ему.

В некотором смысле это было то же, что тепло, нежно обнять безумный вихрь эмоций. Пока они снова не найдут место в его разуме. Пока не поймут, что они там, где должны быть.

На это потребовалось время. Целая вечность, если смотреть со стороны. Ему пришлось позволить себе почувствовать каждую эмоцию глубже, чем когда-либо. Дать каждой заслуженное внимание – почти как детям.

Но ещё это постепенно становилось проще. С каждой эмоцией, возвращённой назад, обращённой внутрь, он чувствовал себя… обновлённым. Контролирующим свой разум ещё больше.

Ха.

Эта бесконечная тьма… была не так страшна. Но ещё она – не то, где ему сейчас следует находиться.

Прежде, чем Гектор успел это осознать, верёвка, на которой он висел, больше не связывала его. Напротив, теперь он держал её. И крепко, движение за движением, поднимался наверх, к такому далёкому лучику света.

Поначалу казалось, что движется он не быстрее улитки. Как если бы свет вовсе не приближался. Словно он не приблизится никогда.

А ещё Гектор чувствовал, что за ним наблюдают. Наблюдают и оценивают. С миллиона ракурсов разом. Тёмная, невидимая толпа всюду вокруг. Ставящая за него и против.

Но он не поддался. И вскоре прогресс стал ясен. Свет приближался.

.

Редактор: akkunin

http://tl.rulate.ru/book/1701/3380956